

Михаил Каганович

Так люблю

Вертен

Задирали небесный полог архангелы, чтоб из глубины страны
Заглядывали пастухи. Дароносцы-волхвы рядом с верблюдцами
Преклоняли колена. Сновали планктонные ангельские чины
С глазами — полными слёз и страдания блюдцами.

Утекали сонмы солдат на смиренный покос. Когорты рабов из труб
Пароходов колымских и крематориев клубами вываливались маслянистыми, —
Эпилептической сажой обметанных кирпичных и медных губ,
Триумфально курящихся истинами истыми...

Но чем ближе к касанию бездны, тем время растягивается длинней...
Стлать соломку самим себе и друг другу, Младенца мучениями:
Подрастёт — и распнём, и спасёмся... И станет ясней

Наших вежд всепроницающее свечение.
Я — от имени бесов, Тобою вселённых в обыкновенных свиней.
Лишь отбился от стада. В отчаянии отречения.

* * *

Снился странный Гефест. Он ковал мне доспех.
А меня разбирал то ли лай, то ли смех.
Он шипел по-кошачьи. Он в чайчий крик
Обрывался, тот, медью смердящий старик.
То ли бог, то ли ужас. С лицом — до краёв —
Как кумыс в пиале. Прапорщик Воробьёв,
Мой стройбатовский взводный. В маслинах зениц —
Стон, раифский, ордынских крещёных станиц.
Русакам, ни татарам, ни мне — не чета.
Даром — крест на груди, да в зрачках — дурнота.
Всё мне поножь ковал — вроде медных бахил.
Без подошв и без пяток, ты — типа — Ахилл...
Чтоб от смеха и страха я лял во сне:
Сребролукий, как есть, стосковался по мне...

Каганович Михаил Вениаминович — поэт, прозаик. Родился в 1956 году в Москве. Автор книг стихов «CREDO» (М., 2008) и «Неправильные сонеты» (М., 2018), двух книг прозы «Начало романа» (М., 2009) и «На конной тяге» (М., 2009). Живет в городе Беэр-Шева (Израиль).

* * *

Так люблю, что всей грудью на дверь навалюсь! И с порога я...
Рухну в трухлую нежить кирпичного мяса колен.
Я, мычащая в чаше оврага вражина — скотина безрогая.
Приплетусь. И дои меня вусмерть... А после — по горлу и в тлен,
Потому что любовь и мычанье — от маменькой петой комолости
Речки Сквирни и призрака церкви — с бурьяном окрест, — где легли —
Все свои, лет за двести. Вишнёвой, на топку изрубленной волости...
До пенька — в дым ушедшем уезде, избытой Рязанской земли —
Риму третьему тут не гулять, Вавилону не ставить коровники...
Всю скудель извели, чтоб с карачек привстать до стрехи?
Не о том ли скрежещут покойники-единокровники...
Только тёмно — Создатель смешал матерщину за наши грехи.
Лишь, с погоста сбежав, ближе к ночи цепляют шиповники.
Да стерлядки на нерест нейдут — больно шуки в осоках тихи.

Кыргызский сонет

Галине Климовой

В Москве ложится только пятый снег.
И так лежит пушистый и немятый
В своём законном праве — он ведь пятый! —
Весь в белом. И, как белый человек,
Ждёт дворника. А тот — кыргыз кургузой —
В айфоне. Трёт с памир-тяньшаньской музой
О чём-то горестном. Ему ли убирать? —
Он и в уме неймёт махать лопатой...
Урус шайтан — сам под пятою — пятый
Снег заставляет, словно скот, считать!
Усталый раб — в обитель чистых нег...
Назад. Навзрыд. Жене? Отцу? Аллаху?
Сейчас он встанет — тяжело, как на плаху...
Подохнуть проще в пятый этот снег.

* * *

Алле Левиной

«Вот так и уходят. Один за другим.
А нас оставляют сиротствовать. В поле».
Ни хлебом единым, ни небом... Одним
Лишь пресуществленьем покоя и воли.

Влекумы. Ведь здесь ощутить не дано,
Что там, где умопомрачительны числа,
Распахнутым взором за грань, как в окно,
Шагнёшь — через звуки, виденья и смыслы —

Колбаской-по-спасской, пустым колесом,
Стремглав, словно в детстве... Совсем невесом...
Над пёстро-весёлой толпой провожатых,

Что обод толкают и щиплют струны
Пространств мировых. Пузырями штаны.
По сторону ту. В пиджаках своих мятых.

Абу-Гош¹

Средь скал мы насадим маслины.
Их серо-зелёная сень
Исполнится кликом ослиным,
Лишь мглою подёрнется день.
Чтоб мамонта сколотый бивень
С листвою, тревожной, в окне
Метался... Чтоб бледный, как ливень
На пьяном небесном пшене,
Блажил за потомство Иуды,
Хлебнув сарацинской бузы...
Чу! — фаджра, звериного, чудо —
Рокочущих всхлипов басы:
Рассвет призывают верблюды
В брильянтовых бурках росы.

* * *

Хочу зелёные ботинки —
Сочней, чем в Троицу трава.
Чтоб у двуногих и скотинки
Слюною смыло все слова...
Чтобы ни му, ни ку-ка-реку,
Ни и-го-го-шеньки, ни хрю...
И лишь Всевышний кротко в реку
Глядит. А я в Него смотрю —
От ужаса забыв о страхе,
Себя предчувствуя в листе...
В чём мать... И даже без рубахи.
Одни ботинки в голове:
Зелёные, на босу ногу.
У всех свой дорога — к Богу.

¹ Черкесское селение близ Иерусалима.